

УДК 811.111

О ФОНЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИКОНИЧНОСТИ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА (Полоцкий государственный университет)

Полученные данные позволяют утверждать, что в происходящих в настоящее время изменениях в форме модальных слов отражаются гендерные модификации вербального поведения коммуникантов.

В. Лабов, а вслед за ним и многие другие исследователи языковых явлений относят частотность употребления к основным различительным признакам социолектов, т.е. вариантов языка, возникших на основе социальных стратификаций в обществе [1]. Более того, социоллингвистика квалифицируется ими как квантитативная по своей сущности. Правомерно утверждать, что гендерная вариативность в языке, также социальная по своей природе, в значительной мере может быть описана в терминах частотности употребления тех или иных языковых единиц.

Настоящее исследование ставит своей целью изучение квантитативных показателей употребления разговорных форм модальных слов и выражений в аутентичном вербальном поведении американцев и англичан, русских и белорусов с учетом гендерного фактора. Основная гипотеза состоит в том, что вербальное поведение представителей разных гендеров может отличаться по показателю частотности употребления формирующихся в повседневном общении новых фонетических форм модальных слов и выражений.

Объектом изучения были выбраны весьма характерные для современного вербального поведения в английской и американской культурах сокращения типа [*ˈwɒnə*], [*ˈɡɒnə*] и тому подобные вместо *want to* и *be going to*. Полный список анализируемых единиц составили следующие формы, зарегистрированные в нашем материале на английском языке:

wanto to =	wanna	[<i>ˈwɒnə</i>]
is /am/ are going to =	gonna	[<i>ˈɡɒnə</i>]
have/has got to =	gotta	[<i>ˈɡɒtə</i>]
had better =	better/betta	[<i>ˈbetə</i>]
need to =	neeta	[<i>ˈni:tə</i>]
could do =	coulda	[<i>ˈkʊdə</i>]
would to =	woulda	[<i>ˈwʊdə</i>]
should do =	shoulda	[<i>ˈʃʊdə</i>]
might do =	mighta	[<i>ˈmaɪtə</i>]
ought to =	oughta	[<i>ˈɔ:tə</i>]
trying to =	tryta	[<i>ˈtraɪtə</i>]
	tryng	[<i>ˈtraɪnə</i>]
have to =	hafta	[<i>ˈhæftə</i>]
has to =	hasta	[<i>ˈhæstə</i>]
used to =	usta	[<i>ˈju:stə</i>]
suppose to =	sposta	[<i>ˈspɒstə</i>]

Кроме того, рассматривалась употребительность в аутентичном общении следующих форм в русском и белорусском языках:

может = моэт = мот	трэба = трэа = трэ
надо = наа = на	мога = моа = мо
хочет = хоэт = хот	хоча = хоч

Грамматический статус и частотность описываемых явлений

Обратимся к результатам анализа частотности употребления слов в известных текстах спонтанной речи британского национального корпуса (BNC - The British National Corpus), состоящих из 100 миллионов слов. Из них текстовый материал объемом в 90 миллионов слов представляет собой корпус письменной речи, а 10 миллионов - устной. Последняя подразделяется на две приблизительно равные части:

- образцы официальной, формальной речи (совещания, встречи, доклады, выступления, обращения и т.п.);
- спонтанная, свободная, непринужденная, главным образом, повседневная речь [2].

В соответствии с известными данными анализа частотности наиболее употребительных слов в названном корпусе глаголы в приведенных сокращениях соотносятся с самой употребительной группой слов английского языка. Частотность появления в тексте, как правило, исчисляется исходя из количества употреблений на 1000 слов. Если перевести полученные данные в более привычные фонетические термины, то выведенная таким образом частотность соответствует одному появлению на 10 минут звучания аутентичного текста [3, гл. 5]. Глагол *to be* в таком подсчете появляется, в среднем, 6 раз в минуту, *to get* приблизительно один раз в минуту, а *to be going to* 1 раз в 3 минуты. Приведенные показатели частотности получены на основе анализа текстов аутентичного общения, которые, естественно, включают паузы, небольшие фрагменты молчания, самокоррекции и т.п. То есть названные цифры дают среднее количество описываемых языковых явлений на единицу времени в реальном устном тексте. Если отсечь паузы и другие перерывы в звучании и производить расчеты только относительно непосредственно речи, говорения, которые в среднем манифестируются со скоростью трех слов или шести слогов в секунду [4, с. 7], то приведенные цифры следует увеличить примерно в два раза [5, с. 311]. Примечательно, что данные показатели соотносятся с теми результатами, которые получены другой группой исследователей [3, гл. 5] на основе анализа другого британского корпуса данных. Названное соотношение говорит о том, что дистрибуция показателей частотности самых обычных слов остается приблизительно одинаковой, если расчеты производить на основе обширных материалов, состоящих из многих миллионов слов. Фактор темы разговора при анализе таких массивов оказывается irrelevantным для наиболее употребительных слов, что в свою очередь, подтверждает важность фактора частотности для выводов о функциональной и когнитивной значимости слова.

Представляется важным рассмотреть значимость частотности употребления слов с учетом его грамматического статуса. В табл. 1 представлена частотность употребления самых встречаемых слов в английском языке. В ней приводится 30 наиболее употребительных слов в спонтанном говорении, т.е. слов, частотность которых превышает взятую за исходную норму - одно употребление на 1000 слов при анализе текстов британского национального корпуса.

Таблица 1

30 наиболее употребительных слов в спонтанном говорении на английском языке

Частотность на 1000 слов	Единица
>50	Be
> 10	Do, have, get
>5	Go, say, know, cm, think, 'll
>2,5	See, come, mem, <u>going to/gonna</u> , would, look, will, put
> 1	Take, could, make, <u>have to</u> , tell, <u>want to/wanna</u> , want (+NP), give, got to/gotta, d' (modal), like, should

Если вслед за Р. Кверком, С. Гринбаумом и др. [6, с. 120 - 146] причислять к грамматическим все те словарные единицы, которые имеют хотя бы отдаленное отношение к группе английских вспомогательных глаголов, то тогда таковыми, т.е. грамматическими, можно считать слова центральной группы модальных глаголов, ряд основных глаголов, маргинально модальные глаголы, полувспомогательные глаголы и модальные идиомы. Для иллюстрации полезно привести данные о пропорции вспомогательных глаголов среди других наиболее частотных форм в английском языке.

Таблица 2

Относительное количество вспомогательных глаголов среди 80 наиболее частотных глаголов разговорного английского языка

Высокочастотные глаголы	Количество вспомогательных глаголов в группе, %
1-10	50
11-20	40
21-30	40
31-40	20
41-50	20
51-60	0
61-70	0
71-80	10

Примечательно, что доля вспомогательных глаголов среди высокочастотных слов, разбитых в зависимости от степени частотности их употребления на группы по 10 наименований, уменьшается прогрессивно, составляя максимальный показатель в группе 1-10 самых употребительных слов, далее 40 % в группе 11 - 30 и т.д. В группе 50 - 70 слов неожиданно не оказывается таких, которые можно было бы причислить к вспомогательным, далее они опять появляются. То есть, как отмечает М. Круг, наблюдается очевидная зависимость между высокой частотностью употребления и статусом вспомогательности [7, с. 32 - 40]. Так, среди 30 самых частотных слов приблизительно половину составляют вспомогательные слова. В следующих двух группах данное соотношение значительно меньше, однако оно по-прежнему существенно.

Анализ употребительности слов в нашем экспериментальном материале позволил получить данные, согласно которым среди наиболее употребительных слов группы 1 - 30 самую большую группу образуют модальные глаголы *can, will, would, could, should* и их сокращенные формы 'll, 'd.

Другую заметную группу образуют такие глаголы, как *be, do, have, get*. Последний встречается относительно часто в качестве как основного, так и вспомогательного глагола.

Весьма значительную группу составляют также модальные конструкции *going to, have to, want to, got to*, которые, в соответствии с точкой зрения М. Круга, можно интерпретировать как новые модальные глаголы, активно формирующиеся в современном английском языке [5, с. 312].

Среди обсуждаемых наиболее употребительных глаголов имеются также и значимые слова, хотя лексический статус последних зачастую проблематичен, как, например, в следующих клише: *I mean, I see, You know, I think*.

Круг полагает, что семантика единиц *be going to, have to, want to, get to* позволяет трактовать их как модальные выражения и убедительно показывает, что они относятся к группе наиболее употребительных слов английской спонтанной речи [5, с. 312]. Так как частотность регулируется потребностями и особенностями общения, дискурса, то можно предположить, что описание количественных показателей употребления таких выражений может пролить свет и на роль гендерной стратификации в упрочении позиций одних модальных форм и ослаблении других, т.е. сможет показать их роль в эволюционных процессах. С другой стороны, количественные показатели их функционирования смогут добавить весомый штрих в общую базу данных о том, каким образом совершается репрезентация гендера в актах вербального поведения коммуникантов. Кроме того, представление о том, что приобретение грамматического статуса такими глаголами (а они именно в последнее столетие приобретают статус модальных выражений) основывается только на их семантике и частотности, представляется чрезвычайно ограниченным. Фонетический аспект формирования таких выражений и связанные с ним требования иконичности также значимы. Для настоящего исследования особый интерес представляет предположение о том, что показатели частотности возникающих фонетических форм могут иметь отношение к гендерным особенностям формирования идентичности участвующих в общении коммуникантов.

Фонетическая форма реализации модальных единиц в речи и проблемы иконичности

Основоположниками теории иконичности, как известно, являются Ч.С. Пирс, Ч. Моррис, Р. Якобсон, Ульман и Дж. Лайонз. Новый импульс данная теория получила в трудах более поздних ученых, одним из которых правомерно считать Дж. Хаймана. Его аксиома иконичности гласит, что постоянно наблюдаемое сходство в форме должно отражать нечто общее в значении, семантике этих форм [8, с. 26], т.е. иконичность предполагает соотносительность постоянно воспроизводимых в практике общения сходных по форме знаков с определенной общностью их значения. Та же мысль выражается им в его утверждении о том, что формальная похожесть знаков или их элементов отражает их концептуальное сходство [9, с. 1636], т.е. «различия в форме (например, ближайших синонимов) иконически отражаются в различиях значений данных синонимов» [9, с. 1636]. При этом автор полагает, что существует универсальная корреляция между иконичностью и требованием языковой экономии. Тенденция всё возрастающей иконичности соответствует усилению проявления действия закона экономии. Последние, т.е. иконичность и экономия, являются самой главной мотивацией развития лингвистической формы [8, с. 18]. Звуковые изменения формы, постоянно наблюдаемые в практике вербального поведения, разрушают семантическую мотивацию, основным типом которой и является иконичность. В то время как процессы построения по аналогии, крайне нерегулярные, в практике общения имеют свойство восстанавливать иконичность лингвистического знака [9, с. 1633 - 1635].

Памятуя данные выводы Хаймана, рассмотрим некоторые из обсуждаемых единиц в плане все возрастающего сходства их вербальной формы:

want to	>	want a	>	wanna	[ˈwɒnə]
is/am/are going to	>	s/m/'re going to	>	gonna	[ˈɡɒnə]
have/has got to	>	ve/'s got to	>	gotta	[ˈɡɒtə]
had better	>	better	>	betta	[ˈbetə]
мога	>	моа	>	<u>мо</u>	
трэба	>	трэа	>	<u>трэ</u>	
надо	>	наа	>	<u>на</u>	
может	>	моэт	>	<u>моТ</u>	
хочет	>	хоэт	>	<u>хоТ</u>	

Как видим, во всех анализируемых языках проявляется тенденция к универбализации знака. При этом примеры на английском языке показывают процесс идущей полным ходом в настоящее время грамматикализации или окзильаризации данных единиц. Разные фонетические варианты формы как раз и отражают разные стадии данного процесса. Колонка 1 состоит из довольно отличающихся образцов. Так, «want to» может быть и основным глаголом [6, с. 146; 3, с. 362], «is/am/are going to», «have/has got to» и «had better» как конструкции со вспомогательным глаголом. Интерес представляет то, что после разнообразных процессов редукции или эрозии, в другой терминологии, [17, с. 14] т.е. ассимиляции, клитико-зации и делиции (исчезновения), возникают весьма сходные в фонетическом плане структуры, а именно: в английском языке модель с германским типом ударения на первом слоге, с двухсложной структурой. Данный тип ударения способствует манифестации редуцированного варианта второй безударной гласной, замещению ее на *schwa* гласную. Можно обнаружить и другие особенности возникающей прототипической модели: четырехфонемный состав [CVCə], в котором С означает согласный звук, V – гласный. Как показывает анализ употребления, данная модель имеет варианты реализации, даже в отношении одной модальной структуры.

Так, [ˈbetə] betta, т.е. had better может иметь [r] у говорящих, придерживающихся ротического варианта произношения. Однако в неротических вариантах, принятых в изучаемом нами регионе, она соответствует основной модели.

Модификации CVCə варианта разнообразны. Прежде всего пятикомпонентная структура [ˈhæftə] hafta, [ˈhæstə] hasta, [ˈjuːstə] usta, [ˈtraɪtə] вместо trying to. При этом некоторые из них имеют и четырехчленные варианты реализации: [hæftˈgəʊ], [hæstˈneɪm]. И если [ˈhæft] и [ˈhæstə] все-таки не соответствуют модели CVCə из-за их отличающейся слоговой структуры, то [ˈtraɪnə] tryna (другой вариант trying to) реализуется именно как ее вариант.

Помимо пятичленной обнаруживается и трехчленная реализация модального смысла, например, oughta [ˈɔːtə], т.е. VCə. Однако основным вариантом, по-видимому, правомерно считать [CVCə]. Помимо указанных ранее наиболее употребительных модальных конструкций, такую же фонетическую структуру имеет need to [ˈniːtə] в разных вариантах своей реализации. Ей соответствуют многочисленные [ˈkʊdə] coulda, [ˈwʊdə] woulda, [ˈʃʊdə] shoulda, [ˈmaɪtə] mighta, которые обнаруживаются у лиц с незаконченным средним образованием.

В русском и белорусском вариантах также наблюдается тенденция к изменению, однако наиболее употребительными здесь оказываются варианты из второй колонки, в то время как в английском и американском [ˈwɒnə], [ˈɡɒnə], [ˈɡɒtə] опережают по количественным данным промежуточные варианты реализации соответствующих смыслов. Сказанное верно и о так называемой тряснке – наиболее распространенном варианте белорусского языка Полотчины, в котором формы из третьей колонки, практически, имеют ту же встречаемость, что и варианты второй, а форма «мо» является даже несколько более частотной, чем «моа».

Во всех языках исчезает один промежуточный в слове согласный звук. В английском языке это согласный в начале второго слога, в русском и белорусском – единственный согласный в начале второго слога. В результате в славянских языках мы получаем последовательность двух гласных – в конце предыдущего и начале непосредственно следующего за ним слогов. Второй гласный в данной последовательности, по сути, представляет собой вариант нейтрального гласного. Именно он и редуцируется в еще более укороченной разговорной форме: на, трэ, мо. В результате модальный смысл оказывается манифестированным уже не в двухсложных, а односложных формах: (С)ГС или СГС. Причем в белорусском языке – в вариантах формы С(С)Г. Такая укороченная форма, по сравнению с более протяженными и многосложными формами других русских и белорусских слов, только подчеркивает вспомогательный характер новых модальных форм, их грамматический статус в высказываниях. Ритуализация приводит к тому, что меньшее количество лексического значения оказывается выраженным в меньшем количестве

составляющих соответствующие формы звуков. Что полностью соответствует так называемому иконическому принципу количества (*iconic principle of quality*).

Примечательно, что, несмотря на весьма отличающуюся историю или этимологию своего происхождения, все названные фонетические структуры являются обозначениями смыслов, которые можно классифицировать как модальные, что подчеркивает их семантическое сходство. Кроме того, в их вербальной структуре наблюдаются также и другие, помимо уже указанных, детали фонетического сходства. Так, в английском, т.е. британском варианте, самые рекуррентные из них [ˈɡrɒpə], [ˈɡrɒtə], [ˈwɒpə] имеют в качестве гласного под ударением звук [ɒ]. Более того, второй согласный в данной прототипической модели представлен звуками, гомоорганными по своей артикуляции. Так, [n], [t], [d] являются альвеолярными звуками в данном языке. Появление такой фонетической модели, т.е. [CVCə], соответствует общей тенденции фонетической реализации процесса морфологизации. Фонетическая унификация формы знаков модальности наблюдается и в русском, и в белорусском языках. И особенно в варианте последнего – трясянке. Для них наиболее обобщающей моделью, видимо, следует считать C(C)Г (белорусский, трясянки) и СГС (русский).

Такая реализация модальных смыслов в вариантах установленных форм в английском и американском языках осуществляется в соответствии со следующими правилами:

1. *Правило* количественной («синтагматической») редукции, когда фонетическая форма становится краткой ввиду исчезновения ряда фонем, ранее входивших в ее состав.

2. *Правило* качественной («парадигматической») редукции, когда оставшиеся сегменты или фонемы фонетической формы объединяются в единое целое из оставшихся звуков. Получившийся в результате минимальный по своему составу комплекс начинает представлять все ранее имеющиеся в его составе звуки. Таковыми в английском языке чаще всего являются образованные с помощью кончика языка [n], [t], [s], гортанные звуки [ʃ] и [h] и самые распространенные гласные. В результате, с точки зрения синхронии, грамматические морфемы оказываются состоящими из «немаркированных» сегментов [10, с. 145].

Если мы проанализируем фонетическую структуру протомодели CVCə, то окажется, что три из ее фрагментов можно считать немаркированными, а именно: [n] и [t] (включая и аллофоны последнего, в частности тот, который можно представить как flapped) являются апикальными (т.е. в их образовании участвует кончик языка). Гласные считаются обычно немаркированными сегментами, и, само собой разумеется, что таковыми является нейтральный звук [ə]. В отличие от них, первая фонема в структуре [CVCə], которая служит дифференциации конкретного варианта данной структуры, обычно является маркированным знаком, например, /g/, /w/, /b/, /k/. Аналогичный процесс совершается и в русском и белорусском языках, а также в трясянке. Однозначно маркированным в структуре C(C)Г оказывается первый консонантный сегмент.

Итак, грамматикализация описываемых глагольных образований совершается не только с помощью эрозии, но и на основе универбализации фонетической структуры этих образований. Возникает вопрос: Как такой процесс грамматикализации соотносится с иконичностью? Усиливает или ослабляет ее? И какова роль однотипности фонетической структуры в данной иконизации?

П. Хоппер, один из известнейших исследователей в области квантитативной лингвистики, полагает, что любая структура, закономерность или тенденция берут свое начало в дискурсе (т.е. общении, диалоге) и формируются им [11, с. 158]. При этом частотность – важнейший фактор закрепления тенденции. В соответствии с данной точкой зрения мы являемся свидетелями того, как существующие в языке известные формы в процессе весьма частотного употребления приобретают новый статус, т.е. только с помощью высокой частотности получают некоторые изменения фонетической формы и одновременно дифференцируются или вырабатывают новые значения, особенно связанные с социальными вариантами смыслов. Изменение фонетической формы в наших примерах осуществляется в полном соответствии с принципом экономии. Общепринято считать, что иконичность и принцип экономии являются конкурирующими силами в процессе языковых изменений. Так, Хейман считает, что ритуализация эмансипирует языковые формы от любой мотивации, которую они когда-либо имели [12, с. 1633]. На наш взгляд, наши примеры с новыми, только еще завоевывающими себе соответствующие позиции модальными единицами, показывают обратное. Наши данные позволяют присоединиться к выводу Фишера и несколько изменившейся в ходе исследований английских модальных глаголов точке зрения М. Круга, что, скорее, возрастающий изоморфизм и иконичность действуют совместно и способствуют или проявляются в результате усиливающейся грамматикализации знака [7, 13]. Приведенные примеры показывают, что, скорее, принцип экономии и ритуализация непосредственно создают иконичность, чем противоречат, конкурируют друг с другом.

М. Круг полагает, что все-таки возможно примирение нашей точки зрения и общепринятой, представленной в изложении Хеймана, считая, что на синтагматическом уровне грамматикализация действительно сопровождается потерями в иконичности, на парадигматическом – усилением [5, с. 313].

Данное усиление хорошо прослеживается в примерах:

want to > wanto > wanna [wɒnə]
have/has got to > 've/'s got to > gotta [gɒtə],

так как формы [wɒnə] и [gɒtə] в структурном отношении весьма сходны. Подобие данных форм, таким образом, отражает их функциональную и концептуальную близость, т.е. то, что они обе принадлежат к новой модальной категории.

То же самое можно сказать и о славянских формах: белорусских – трэ, мо и русских – мот, хот. На наш взгляд, экономия создает другую иконичность. Разрушая прежнюю, основу которой может составлять некая мотивация значения, она создает другую мотивацию, когда определенная форма знака, его фонетическая субстанция оказывается маркером некоего значения, в данном случае модального.

Представляется, что парадигматические и синтагматические отношения гораздо более динамичны и взаимозависимы, чем это следует из точки зрения многих исследователей, в частности М. Круга. Существующая в парадигматике иконичность неизбежно является таковой и в синтагматическом отношении. Причем, в нашем случае она синтагматически и возникла. Ведь, в конечном счете, редуцирование, эрозия или экономия формы скорее является главным механизмом, который и приводит в итоге к появлению новой иконичности в языке, основанной на взаимоотношениях между его единицами, когда симилярность в форме соответствует определенному сходству значения [14, с. 190]. Появление обсуждаемых фонетических форм привело именно к такой вторичной, в терминологии Фишера, иконичности. То есть процесс грамматизации вовсе не ведет к утрате иконичности знака, его деиконизации, а образует иконичность нового типа, которую в Соскоровской терминологии можно обозначить как парадигматическую. Возникает сугубо языковая мимисия, направляющая действия коммуниканта в процессе общения, маркирующая родство форм, например [gɒtə], [wɒnə], [gɒtə], мот, хот, мо, трэ – в появляющейся в языке новой модальной группе. Данная иконичность мотивируется не индивидуальными отношениями формы – знака, как это чаще всего наблюдается в случае традиционно понимаемой иконичности, а отношениями между всеми формами, выражающими определенное сходное значение. В нашем случае это значение модальности, т.е. абстрактное грамматическое значение. Правомерно даже согласиться с Фишером, что такая вторичная иконичность, видимо, даже более важна для формирования системы языка. Когда первичные ассоциации поддерживаются и усиливаются вторичными, т.е. ассоциациями, возникающими с помощью слов, имеющих сходную форму и значение с другими словами с таким же значением. Существование фонетически ассоциирующихся слов может стать причиной появления других слов, образованных по данной модели. Если удастся создать принимаемую обществом протофонетическую модель, соответствующую эстетическим канонам в обществе, то тогда к ней начинают активно присоединяться, или под ее воздействие попадают и другие слова со сходным значением. Модель разрастается в плане количества единиц, подчиняющихся ее правилам, становится прочным образованием. Ассоциация, таким образом, становится основой появления новой иконичности. Ассоциативная иконичность эксплицитно проявляется в маркированных языковых категориях (категориях форм и значений) [15, с. 129 – 32].

Конечно, продуктивность грамматических конструкций гораздо более ограничена в своих масштабах, чем продуктивность лексических и вокативных единиц. Однако, как мы видим, фонетическая иконичность является активным основанием для такой продуктивности. Примером тому может служить перечень других слов с модальным значением, явно подпадающих под воздействие основной фонетической протомодели в английском языке: [traɪtə], [maɪtə], [ni:tə] и т.п., [хот'бы], [хоц'ба] в русском и белорусском, которые были зарегистрированы в нашем экспериментальном материале.

В табл. 3, 4 представлены данные употребительности одного из самых рекуррентных знаков прототипической конструкции SVCə на 1000 слов экспериментального текста. Сравнение их с показателями частотности, полученными на основе анализа Британского Национального корпуса (> 2,5 на 1000 слов, однако вместе с going to) показывает, что вариант SVCə явно прибавляет в количественных показателях, особенно в возрастной группе 17 – 25 лет. При этом данное прибавление более интенсивно в группе коммуникантов-женщин. Так, английские женщины в возрасте 46 лет и старше манифестируют всего 0,3 'gɒnə знака на 1 000 слов текста в формальном говорении, а в возрасте 17-25 лет – 1,0 (т.е. в 3 раза больше). В то время как в говорении мужчин соответствующих групп наблюдалось хоть и значительное, но, все-таки, меньшее возрастание употребительности данного знака (0,7 и 1,3, т.е. менее чем в 2 раза).

Полученные данные показывают на значительную вероятность происхождения знака: чаще всего его во всех возрастных группах употребляют коммуниканты с наименьшим уровнем образования. Характерно при этом, что в женском говорении коммуникантов с более низким образованием все-таки частотность 'gɒnə меньше как в английской, так и в американской культуре, что еще раз подтверждает большую приверженность женщин традиционной норме. Интересно отметить, что среди коммуникантов, максимальное количество раз употребляющих данный знак вместо других, зарегистрированы не только мужчины, но и женщины. Видимо, это те женщины, которые традицией и нормой считают именно такое произношение знака, обозначающего требуемый модальный смысл, и неукоснительно ему следуют.

Анализ употребления вербальных знаков модальных смыслов в русской и белорусской культуре также показал наличие вариантов. Как уже отмечалось, вместо *надо* можно было услышать *наа, хочет - хозт/хот*. Наиболее частотными были *моэт а мот*, вместо *может*.

Таблица 3

Употребительность 'грпэ на 1 000 слов текста в вербальном поведении англичан

Образование	Стиль речи											
	официальный		непринужденный		официальный		непринужденный		официальный		непринужденный	
	Гендер											
	Муж.	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.
	Возраст											
17 – 25 лет				26 – 45 лет				46 лет и старше				
Высшее	1.3	1.0	1.6	1.3	0.9	0.5	1.3	0.9	0.7	0.3	1.0	0.5
Среднее специальное	1.5	1.2	1.7	1.4	1.2	0.6	1.4	1.0	0.9	0.4	1.2	0.7
Среднее	1.7	1.3	2.1	1.7	1.3	0.9	1.8	1.3	1.1	0.5	1.4	1.0
Незаконченное среднее	2.2	1.9	2.3	2.2	2.1	1.8	2.2	2.0	2.0	1.9	2.1	2.0

Таблица 4

Употребительность 'грпэ на 1 000 слов текста в вербальном поведении американцев

Образование	Стиль речи											
	официальный		непринужденный		официальный		непринужденный		официальный		непринужденный	
	Гендер											
	Муж.	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.
	Возраст											
17 – 25 лет				26 – 45 лет				46 лет и старше				
Высшее	1.6	1.2	1.8	1.5	1.1	0.9	1.6	1.0	0.9	2.4	1.1	0.7
Среднее специальное	1.8	1.4	2.0	1.5	1.4	1.1	1.8	1.1	1.0	0.6	1.3	0.8
Среднее	2.0	1.7	2.3	1.9	1.6	1.2	2.1	1.5	1.4	0.9	1.7	1.3
Незаконченное среднее	2.4	2.1	2.4	2.3	2.3	1.8	2.4	2.2	2.4	1.7	2.1	2.1
Возраст	17 – 25 лет				26 – 45 лет				46 лет и старше			

В белорусском варианте наблюдались *трэб* и *трэ*, *трэа* вместо *трэба*, *мо/а/э* (*б*) вместо *можса* (*б*). Наиболее частотными, однако, они оказались именно в местном говоре или так называемой «трясянке». Хотя общая картина употребления фонетически редуцированных знаков модальности более однотипная. Возрастные и гендерные градации в ней прослеживаются незначительно. Кроме того, для данных языков труднее определить фонетический состав прототипической конструкции, к которой стремятся возникающие или уже возникшие структуры. Вместе с тем, очевидно стремление к трехчленному прототипу в русском говорении: *наа, хот, мот*, и трех- и двучленному: *трэ, мо* – в Полоцком говоре. Например:

*А мо, і праўда, мо і спрасіў.
Трэ ж было сказаць, а так, хто ж знаў.
А мо б, ты з намі на кірмаш з'ездзіў?
Ага! Ну, мо, і забыў, а што ты думаеш?
А мо, я і сам кармлюся.*

В белорусском говорении в нашем варианте они зарегистрированы в минимальном, по сравнению с другими языками, количестве, видимо, потому, что белорусский язык на Полотчине весьма редок и встречается в говорении достаточно образованных людей, которые чаще всего не имеют такой широкой практики его употребления, какую имеют русский и местный языки, зарегистрированные, практически, во всех сферах коммуникативного поведения. Тем не менее, встретившиеся в записанных нами фрагментах вербального поведения фонетически, в той или иной степени, ассоциирующиеся знаки (*трэб*, *мо/а/э* и *нааб*, *мо(э)т*, *хо(э)т*) позволяют предположить упрочение или даже возникновение более мощной тенденции к появлению новых знаков подобной формы для передачи модальных значений и в данных языках.

Как показывают данные табл. 5 и 6, обсуждаемая тенденция лучше всего закреплена в говорении на тряснянке. В белорусском языке она чаще зафиксирована у мужчин, причем как в формальном, так и непринужденном говорении. При этом в свободном, непринужденном использовании частотность употребления сокращенных форм выше, особенно в местном говоре. Так, коммуниканты мужчины со средним специальным и высшим образованием и незаконченным средним в самой молодой группе (17 - 25 лет) имеют увеличение показателей в свободном говорении соответственно в 3 и почти в 2 раза, по сравнению с теми, чей возраст старше 46 лет. Соответствующие показатели для [ˈgrɔnɐ] оказываются более убедительными. Таким образом, упрочение тенденции и значимость показателя возраста у английских и американских говорящих прослеживается более четко. В то время, как некоторые другие формы, например, [ˈmaɪtə], [ˈni:tə], [ˈspɔstə] имеют весьма разнородную, иногда даже более, чем мо(б) в белорусской культуре, картину. В целом же, полученные данные допускают предположение о том, что ассоциативность формы в анализируемых случаях является основой построения новых групп модальных слов, что особенно наглядно просматривается в английском и американском вербальном поведении. Полученный материал позволяет утверждать, что чем четче обозначена прототипическая модель и фонетическая ассоциация с ней, тем сильнее позиции знака и больше вероятность закрепления его в говорении. При этом во всех языках она больше проявляется в говорении мужчин. Данная предпочтительность прослеживается почти во всех возрастных группах и стилях говорения.

Таблица 5

Употребительность «мо» к другим формам данной лексики в местном говоре в %

Образование	Стиль речи											
	официальный				непринужденный				официальный непринужденный			
	Гендер											
	Муж.	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.
	Возраст											
17-25 лет				26 - 45 лет				46 лет и старше				
Высшее	7.5	1.2	12.5	10.0	10.0	2.5	15.0	10.0	10.0	5.0	12.5	10.0
Среднее специальное	10.0	2.5	17.5	12.5	10.0	5.0	17.5	10.0	12.5	5.0	15.0	12.5
Среднее	20.0	5.0	22.5	15.0	17.5	12.5	20.0	15.0	17.5	12.5	20.0	15.0
Незаконченное среднее	22.5	15.0	30.0	17.5	22.5	12.5	27.5	20.0	22.5	15.0	25.0	17.5
Возраст	17-25 лет				26 - 45 лет				46 лет и старше			

Таблица 6

Относительная употребительность «мо» к полной форме данной лексики (мога) в белорусском языке в %

Образование	Стиль речи											
	официальный				непринужденный				официальный непринужденный			
	Гендер											
	Муж.	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.	Муж	Жен.
	Возраст											
17-25 лет				26 - 45 лет				46 лет и старше				
Высшее	2.5	-	5.0	2.5	2.5	-	2.5	-	2.5	-	2.5	>2.5
Среднее специальное	2.5	-	7.5	2.5	5.0	2.5	5.0	>2.5	2.5	2.5	2.5	>2.5
Среднее	5.0	2.5	7.5	2.5	5.0	2.5	5.0	2.5	5.0	5.0	5.0	>2.5
Незаконченное среднее	7.5	5.0	12.5	5.0	7.5	5.0	10.0	5.0	7.5	5.0	7.5	5.0
Возраст	17 - 25 лет				26 - 45 лет				46 лет и старше			

Целесообразно уточнить, однако, что сказанное верно только в случае максимального обобщения полученных данных, интерпретации их сквозь призму крайне генерализованной оппозиции мужское/женское.

Рассмотрение тех данных, которые противоречат установленным показателям частотности в вербальном поведении гендера, позволило выявить три основные несоответствия.

1. Самую многочисленную группу составляют те случаи, которые наблюдаются, в целом, в достаточно гендерно-дистинктивных текстах. Последние, тем не менее, по ряду показателей, в частности, по употребительности новых модальных форм совершенно нейтральны или даже инкорпорируют не свойственное данному гендеру количество употреблений. Данное обстоятельство, однако, не разрушает общую гендерную доминанту коммуникативного поведения, зафиксированного в таких текстах. Видимо, каждый говорящий неосознанно сам выбирает, какие языковые средства в его вербальном поведении окажутся реализованными по гендерно-дистинктивной модели. Такой выбор и делает его речь соответствующей традиции в конкретном обществе. Тексты, в которых абсолютно все или даже большинство лингвистических средств функционировали бы в строгом соответствии с гендерными дифференциациями, весьма проблематичны, ибо они легко могли бы создать прецедент непонимания. Обычно говорящие просто создают нужный гендерный акцент с помощью соответствующего количества некоторых гендерных характеристик. Таковыми могут быть определенные показатели употребления новых модальных форм. Можно предположить, что варьирование таких характеристик создает внутригендерное разнообразие вербального поведения, творит гендерно-дистинктивный идеолект.

2. Вторую по численности группу составили тексты тех коммуникантов, которые в одних случаях говорят в соответствии с нормой общепринятого стандарта, в других - подстраиваются под собеседника и строят свое вербальное поведение в соответствии с особенностями его речи, т.е. звучат в унисон. Среди таких коммуникантов зафиксированы как мужчины, так и женщины, однако последние составляют подавляющее большинство. В нашем эксперименте их оказалось до 80 %. В большинстве случаев это представительницы самой молодой группы (50 % случаев). Коммуникантки в возрасте 26 - 45 лет прибегают к такой тактике несколько реже (35 % случаев). Аналогичная картина наблюдается и среди мужчин. Кроме того, если юноши и молодые люди подстраиваются, главным образом, под конкретную манеру говорения коммуникантов-мужчин, то женщины поступают так в большинстве случаев независимо от гендера собеседника. Не случайно, на наш взгляд, известные нам исследования аккомодативности в коммуникативном поведении в качестве материала для изучения выбирают именно женское говорение [16].

3. Третью группу текстов с нетипичными количественными показателями частотности новых форм модальности составили, в основном, фрагменты женского говорения, в которых женщины манифестировали типично мужские образцы вербального поведения. То есть в них нехарактерными были не только значения частотности формирующейся модальной лексики. Обычно в таких случаях коммуникантки избирают нормой какой-нибудь вариант общенационального языка и неукоснительно следуют именно его (т.е. варианта) норме, превосходя даже мужчин в последовательности употребления свойственных данному варианту характеристик. Последний не обязательно должен быть каким-нибудь территориальным или социальным диалектом, им может оказаться профессиональный вариант, принятый у представителей какого-нибудь рода деятельности.

Приведенные в таблицах обобщающие показатели были бы на порядок гендерно более дистинктивными, если бы из них исключить те, которые были зафиксированы в текстах коммуникантов групп 1 - 3.

Исследователи гендера предполагают, что новые формы появляются, скорее всего, в речи мужчин. Потом они закрепляются или отвергаются более консервативными коммуникантами - женщинами. На наш взгляд, они могут возникнуть в любой группе, а вот первыми их переносчиками и популяризаторами, возможно, становятся коммуниканты второй, переменчивой группы, чаще всего состоящие из женщин.

Наши данные об употреблении новых форм не позволяют сказать, в какой группе они возникли. Однако на материале данных о говорении американцев и англичан можно сказать, что наблюдается усиление позиции многих новых форм, в частности, [ˈɡɒnə], [ˈwɒnə], [ˈɡɒtə], что и послужило причиной помещения их в центр нашего анализа. В русском и особенно белорусском языках картина менее четкая, однако поведение переменчивой второй группы, состоящей в подавляющем большинстве из относительно молодых коммуникантов, демонстрирует готовность употребления новых форм, что говорит об упорении позиции последних.

Задумываясь о причинах такого поведения коммуникантов переменчивой группы, можно предположить роль кооперативности, стремления установить отношения, более свойственные именно женщинам, составляющим большинство в данной группе. Однако нельзя сбрасывать со счета и структуру самих возникающих форм, их экономичность, удобность, легкость, с которой они вписываются в самые разнообразные контексты. Свою лепту вносит также запоминаемость этих форм, возможность иконирования, создания ряда других форм, сходных с имеющимися как семантически, так и формально. То есть, помимо экстралингвистических, социальных, в частности гендерных факторов, существуют еще и чисто языковые особенности формы, делающие возможным расширение, упрочение процессов иконизации.

Подводя итог сказанному, таким образом, можно заключить, что утверждающаяся фонетическая форма, в конечном итоге, результат и основа расширения иконичности, может быть значительной моти-

вирующей силой для привлечения внимания коммуникантов, определения их выбора данной формы среди альтернативных вариантов. Фонетическая иконичность при этом сочетается с семантической. Ибо как во внутриязыковом, так и кросс-лингвистическом аспекте модальные слова воспринимаются как принадлежащие к семантически и функционально одной группе. Такая многократная иконичность (фонетическая, функциональная и семантическая) наблюдается и в других случаях ее проявления. В квантитативной лингвистике она чаще всего соотносится с новыми, только появляющимися формами [11, с. 1561]. В гендерной - с вариантами фемининности и маскулинности. Первые - это те, которые демонстрируют стремление к традиции, норме (старой или новой, как будто бы чаще порождаемой в речи мужчин) или выражают солидарность с какой-то группой коммуникантов и поэтому фрагментарно реализуют новую форму больше в общении именно с данными говорящими. Вторые - это образы маскулинности, которые формируются, помимо всего прочего, с помощью языковых форм репрезентации, свойственных достаточно узкой группе каким-то образом объединенных мужчин, чаще всего профессионально, сферой или формой существования.

Кроме того, данной группе свойственно более свободное отношение к норме, поэтому свою принадлежность к определенному кругу представители данной группы проявляют даже в формальном говорении, чаще отклоняясь от общепринятой нормы и создавая прецедент нового.

Данный вывод, безусловно, распространяется только на фонетико-функциональную иконичность модальности. Ибо существует много других проявлений действия иконичности, которые соотносятся с гендером иначе, во многих случаях кардинально иначе. Общим для них всех является важность прагматического фактора квантитативности. Последний, на наш взгляд, является важнейшим параметром формирования гендерной идентичности, несмотря на заметные кросс-лингвистические отличия.

Вместе с тем, вывод о большей приверженности женщин к принятой в выбранной ими группе норме употребления форм модальности вовсе не является неожиданным. Наоборот, он вполне соответствует известному мнению многих исследователей о большей нормативности женской речи. Поэтому со значительной долей уверенности можно предположить, что не только закрепляющиеся в разговорной речи новые формы модальности, но и многие другие средства языка, в частности, его фонетические параметры, будут манифестироваться в женской и мужской речи несколько по-разному именно с точки зрения нормы.

Сказанное верно и о внутригендерной вариативности, ибо в значительной мере основой разнообразия является именно выбор нормы определенной группы, того или иного социума.

Для настоящего исследования важно то, что фонетическая форма является важнейшим признаком грамматикализации языкового явления. Ибо в значительном количестве случаев она (т.е. грамматикализация) совершается через процессы эрозии или редукции фонетического материала. При этом частотность - важнейший фактор упрочения грамматикализации. Именно с помощью частотности дифференцируются и закрепляются новые значения. В результате для языкового знака становятся возможными два типа иконичности.

1. Непосредственная, основанная на некоем сходстве означающего и означаемого, т.е. иконичность, предполагающая очевидную мотивацию значения конкретного знака.

2. «Грамматикализованная» иконичность, когда определенная форма знака, его фонетическая субстанция, может быть, даже иногда разрушая другую, основанную на непосредственной мотивации, иконичность, начинает соотноситься с неким новым значением, появившимся ввиду грамматикализации, т.е. в результате определенного обобщения того или иного относительного частотного значения. Как правило, такая иконичность выражается в сходстве фонетической формы целого ряда знаков, так или иначе символизирующих определенный смысл. Обычно грамматикализация определяется как процесс развития от лексической формы к грамматической, а от грамматической - к «еще более грамматической» [17, с. 2; 21]. Для нас в данной интерпретации важно то, что грамматикализация предполагает прежде всего специфический семантический процесс. Такой, в ходе которого формы с более «вещественным», относительно частным, конкретным значением начинают употребляться в определенных контекстах для выражения более обобщенных, абстрактных, грамматических значений. Чаще всего грамматикализацию связывают с превращением лексических единиц в грамматические. Но не только М. Халидэй, как известно, соотносил его и с фонетическими явлениями, в частности, интонационными [18, с. 48-49].

Мы полагаем, что грамматикализация значима и в плане развития и упрочения социальных значений в языке, в частности, тех, которые можно интерпретировать как гендерные.

Некая частотность появления тех или иных форм в речи представителей определенного гендера постепенно становится маркером гендерной идентичности принадлежащих к нему коммуникантов, носителем тех гендерных смыслов, которые приняты в обществе. Далее данные показатели частотности, упрочившиеся в отношении одних языковых форм, могут распространиться и на употребительность других, третьих, ... в конечном итоге, многих форм, превращая их в новые маркеры определенного гендера. Грамматикализованная таким образом частотность начинает символизировать гендерные смыслы. Воз-

никает еще один тип иконичности, когда определенная модель вербального поведения - в нашем случае, следование норме - репрезентируется через некую специфическую частотность, и данная частотность становится символом социального, гендерного смысла.

Появляется еще один тип иконичности, мотивация в котором уже сугубо коммуникативная и социальная, т.е. еще более отдаленная от первичной, непосредственно основанной на сходстве означаемого и означающего. Отнесенность к одному гендерному варианту начинает мотивировать те или иные показатели количественности в употреблении формы, последние, в свою очередь, являются сигналами гендерных смыслов. Именно таков статус показателей частотности употребления относительно новых форм модальности в анализируемых языках. Грамматикализация данных показателей, перефразируя мысль М. Халидэя [19, с. 231], имеет своей целью внести дисконтинуальность в поток или течение опыта коммуникативного поведения, хотя тотальная, многосторонняя связанность коммуниканта с окружающим его миром чрезвычайно сложна и многогранна. Поэтому возможно бесконечное количество вариантов реализации грамматикализованных явлений, в том числе частотности как маркера гендера.

Один из последних сборников статей, посвященных специальному изучению феномена частотности, весьма проблематично назван «Частотность и возникновение новых языковых структур» [5]. Выведенный в заглавие книги постулат весьма точно отражает современное понимание значимости частотности как явления лингвистики. Появление новых форм модальности тому свидетельство. Данные употребления этих форм показывают также, что феномен частотности не менее значим и в пределах гендерной лингвистики. Может быть, даже особенно значим в пределах гендерной лингвистики, ибо иконизация гендерной семантики с помощью феномена частотности - отнюдь не периферийный способ репрезентации гендера языковыми средствами.

Как известно, в английской и американской научной литературе существует широко распространенное мнение о том, что английская система вспомогательных глаголов переживает стадию кардинальных изменений [5, с. 309; 20, с. 6; 21; 22, с. 197]. Полученные данные позволяют утверждать, что в этих изменениях отражаются гендерные модификации вербального поведения коммуникантов. Кроме того, они свидетельствуют о том, что гендерное маркирование говорения, грамматикализация и иконизация тесно взаимосвязаны. Они функционируют как пересекающиеся процессы, непосредственно соотносящиеся с количественными показателями употребления языковых явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hudson R.A. Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. - 279 p. (P. 148 - 150).
2. Labov W. The Intersection of Sex and Social Class in the Course of Linguistic Change // *Language Variation and Change*. - 1990. - № 2. - P. 205 - 254.
3. Milroy J., Milroy L. Belfast: Change and Variation in an Urban Vernacular // *Sociolinguistic Patterns in British English*/Ed. Trudgill P. - London: Arnold, 1978. - P. 19-36.
4. Trudgill P. Sex, Covert Prestige and Linguistic Change in the Urban British English of Norwich // *Language in Society*. - 1972,-№ 1.-P. 215-246.
5. Trudgill P. Sociolinguistic Studies in Norway 1970-1991: A Critical Overview // *International Journal of the Sociology of Language*. - 1995. - № 115, Sociolinguistics in Norway. - P. 7 - 23.
6. Aston G. and Bumard L. The BNC Handbook: Exploring the British National Corpus with SARA. Edinburg: Edinburg University Press, 1998. - 256 p.
7. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S. and Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. - London: Longman, 1999. - 1204 p.
8. Aitchison J. Words in the Mind: an Introduction to the Mental Lexicon. Oxford, UK: Blackwell, 1994. - 290 p.
9. Krug M.G. Frequency, iconicity, categorization // *Frequency and the emergence of linguistic structure* / Eds. Bybee J., Hopper P. - Amsterdam. - Philadelphia: John Benjamins, 2001. - P. 309 - 335.
10. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. - London: Longman, 1985. - 1779 p.
11. Krug M. Emerging English Modals: a Corpus-based Study of Grammaticalization. - Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 2000. - 332 p.
12. Haiman J. Natural Syntax: Iconicity and Erosion. - Cambridge: Cambridge University Press, 1985. - 285 p.
13. Haiman J. Iconicity and syntactic change // *The Encyclopedia of Language and Linguistics* (10 volumes) / Ed. Asher R.E. - Oxford: Pergamon, 1994. - P. 1629 - 1633.
14. Hopper P., Traugott E. Grammaticalization. - Cambridge (England): Cambridge University Press, 1993. - 256 p.
15. Hopper P. Emergent Grammar // *The Psychology of Language: Cognitive and Functional Approaches to Language Structure* / Ed. M.T. Tomasello. - Mahwah, New Jersey: Erlbaum, 1998. - P. 155 - 75.

16. Haiman J. Iconicity and syntactic change // The Encyclopedia of Language and Linguistics (10 volumes) / Ed. R.E. Asher. - Oxford: Pergamon, 1994. - P. 1633 - 1637.
17. Fisher O. On the role played by iconicity in grammaticalisation processes // Miming Meaning: Iconicity in Language and Literature / Eds. M. Nanny and O. Fisher. - Amsterdam: Benjamins, 1999. - P. 345-374.
18. Givon T. Iconicity, isomorphism and nonarbitrary coding in syntax // Iconicity in Syntax / Ed. Haiman J. - Amsterdam: Benjamins, 1985. - P. 187 - 220.
19. Fischer O. What, if, anything, is phonological iconicity? // Miming Meaning: Iconicity in Language and Literature / Eds. M. Nanny and O. Fischer. - Amsterdam: Benjamins, 2002. - P. 123 - 134.
20. Giles H. Accommodation in Communication // Encyclopedia of Language and Linguistics / Asher R. - Oxford: Pergamon Press, 1994. - P. 12-15.
21. Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. - Cambridge: Cambridge University Press, 2002. - 287 p.
22. Halliday M.A.K. Spoken and Written Language. - Oxford: Oxford University Press, 1992. - 109 p.
23. Halliday M.A.K. Grammar and daily life: Concurrence and complementarity // Functional approach to language, culture and cognition: Papers in honour of S.M. Lamb / Eds. D.G. Lockwood, P.H. Fries, J.E. Copeland. - Amsterdam: John Benjamins, 2000. - P. 221 - 237.
24. Bolinger D. Language: the Loaded Weapon. - London: Longman, 1980. - P. 286.
25. Lehmann C. Thoughts on Grammaticalization. - Hunie: Lincom Europa, 1995. - 192 p.
26. Traugott E. Subjodification and the development of epistemic meaning: the case of *promise* and *threaten* // Modality in Germanic Languages: Historical and Comparative Perspectives / Eds. T. Swan, O. Westvik. - Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. - P. 185 - 210.